

Российская Академия наук
Российское историческое общество
Институт российской истории РАН
Германский исторический институт в Москве
Государственный центральный музей современной истории России

Вторая мировая и Великая Отечественная: к 75-летию окончания

Материалы

*международной научной конференции
(Москва, 28—30 сентября 2020 г.)*

Центр гуманитарных
инициатив
Москва — Санкт-Петербург
2021

повести «Победа» и «Украина в огне», в которых были выявлены признаки национализма и «грубые политические ошибки антиленинского характера», и др.¹²⁰;

- с еврейским национализмом (создание Еврейского антифашистского комитета в 1942 г. и отправка его председателя, известного артиста С.М. Михоэлса в престижную пропагандистскую поездку по США, Англии, Канаде, Мексике, но при этом – подковерная борьба партаппарата и органов госбезопасности с этим комитетом, увенчавшаяся послевоенной расправой с его членами и «делом врачей» 1953 г., известным на Западе как «сумасшедшая история»¹²¹).

Тем не менее, несмотря на все отмеченные «минусы» советской национальной политики военного и послевоенного времени, обусловленные теми или иными пороками сталинизма, важно в заключении отметить, что вопреки гулявшей с конца XVIII в. по миру пренебрежительной оценке России как колосса на глиняных ногах, ее историческая ипостась – Советское государство, мобилизовав в войну все силы и средства страны, сумело сплотить воедино все ее народы и тем самым добиться победы в смертельной схватке с врагом, а также спасти все человечество от смертоносной фашистской чумы.

Тихонов В.В.

д.и.н., Институт российской истории РАН

Межнациональные отношения в РККА в годы Великой Отечественной войны: этнические стереотипы и их преодоление

Массовая армия всегда является отражением того общества, члены которого становятся ее солдатами. В этом смысле РККА не была исключением¹²². Многочисленные межна-

¹²⁰ «Литературный фронт». История политической цензуры, 1932–1946 гг. Сборник документов / сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994. С. 108–122; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 437. Л. 22–27.

¹²¹ Подробнее см.: *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм (Новая версия). В 2 ч. М., 2015.

¹²² См.: *Безугольный А.Ю.* «Источник дополнительной мощи Красной армии...»: Национальный вопрос в военном строительстве в СССР, 1922–1945. М., 2016.

циональные противоречия и этнические стереотипы и предрассудки переносились в армейскую среду, несмотря на пропаганду интернационализма. Традиционно стереотипы делятся на позитивные и негативные. Первые формируют положительный облик народа (например, грузины – радушные), вторые – создают устойчивый негативный образ. Причем воспринимаются они некритически и автоматически переносятся на всех представителей этноса. В экстремальных условиях военного времени, когда все испытывают повышенный стресс, а неудачи приводят к поиску виноватого, этнические стереотипы превращаются в серьезную проблему в многонациональном обществе.

Пожалуй, одним из главных объектов негативных эмоций с самого начала войны стали евреи. Причем это было характерно не только для Украины, где евреев было много и антисемитизм был распространенным явлением, но и для других регионов. В. Гельфанд, сам выходец из еврейской семьи, человек со сложившейся советской идентичностью, но болезненно воспринимающий антисемитизм в любых проявлениях, зафиксировал в своем дневнике 23 октября 1941 г. во время прохождения обучения в офицерской школе на Северном Кавказе:

«На улицах и в парке, в хлебной лавке, в очереди за керосином – всюду слышится шепот. Шепот ужасный, веселый, но ненавистный. Говорят о евреях. Говорят пока еще робко, оглядываясь по сторонам. Евреи – воры. Одна еврейка украла в магазине шубку. Евреи имеют деньги. У одной оказалось 50 тысяч, но она жаловалась на судьбу и говорила, что она гола и боса. У одного еврея еще больше денег, но он говорит, что голодает. Евреи не любят работать. Евреи не хотят служить в Красной армии. Евреи живут без прописки. Евреи сели нам на голову. Словом, евреи – причина всех бедствий. Все это мне не раз приходится слышать – внешность и речь не выдают во мне еврея... Но все-таки я не люблю этих казаков за немногим исключением. Украинцы меньшие антисемиты. Русские Запада – Москвы, Ленинграда – еще меньшие. Я не понимаю, как можно быть таким жестоким, бессердечным и безбоязненным, каким является северокавказский казак. На всеобуче, к слову, открыто (во время перерыва), в присутствии командиров отделений ребята рассказывают, что во время бомбежки Минеральных Вод евреи подняли крик, начали разбегаться, побросав вещи, а одна женщина-еврейка подняла кверху руки, неистово и пронзительно крича. Слушатели смеялись, и никто не попытался пресечь эту наглую антиеврейскую пропаган-

ду. Мне было обидно за евреев. Гнев душил меня, но я не смел слова сказать, зная, что это еще больше обозлит всех против меня и вызовет взрыв новых издевательств надо мной»¹²³.

Приведенный отрывок демонстрирует не только активизацию бытового антисемитизма в тылу с началом войны. В нем можно обнаружить описание процесса разрушения сложной конструкции межнациональных отношений, существовавшей до этого. Показательно, что первоначально антисемитские высказывания делаются «с оглядкой», как предосудительные и несанкционированные, но затем они становятся все смелее и смелее.

Следует указать, что о проявлении антисемитизма сигнализировали и органы пропаганды. Так, осенью 1941 г. заместитель заведующего оргинструкторским отделом ЦК ВКП(б) М. Шамберг в информационном сообщении для секретарей ЦК описывал случаи антисемитизма в местах эвакуации населения, приводя в качестве примера Северный Кавказ. Предлагалось разъяснять населению, что антисемитизм чужд советскому строю, а также привлекать к ответственности причастных лиц¹²⁴.

С антисемитизмом Гельфанд напрямую сталкивался и непосредственно в армии. Приведем отрывок из дневниковой записи от 5 апреля 1943 г.:

«Карымов. Сам не русский, но антисемит и шовинист. Это тип, подобный Сеньке-еврею (с производства) и еще многим нерусским людям, способным осмеивать свой народ, нападать на него вместе с русскими антисемитами, предавать его интересы в угоду собственному благополучию. Таких любят, такие везде в числе счастливых. Взять Сеньку. Он дразнил евреев и честил их под общий смех и одобрение. Его любили за это. Я же всегда спорю и доказываю, что никакая нация и народ в целом плохими не бывают, а находятся отдельные люди, да, быть может преобладающие в какой-то конкретной нации, обладающие скверными качествами. Со мной спорили, меня не любили за это. Помню одного украинца, утверждавшего, под общее одобрение многих, что украинцы все трусы и предатели и большинство(!) их перешло на сторону врага.

¹²³ Гельфанд В. Дневник, 1941 год (URL: <http://www.gelfand.de/dn-1941/index.html>).

¹²⁴ Из информационного сообщения организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б) секретарям ЦК А.А. Андрееву, Г.М. Маленкову и А.С. Щербакову об усилении антисемитских настроений в местах эвакуации населения // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933—1945. М., 2009. № 271. С. 657.

Я и тут стал доказывать, что большинство – значит больше половины, а украинцев 40 миллионов и, если б даже половина их перешла на сторону немцев, то это составило бы 20 миллионов, а разве это так в действительности? Меня готовы были ненавидеть за невозможностью доказать мне обратное, и теперь Карымов, он был *** я был там замполитом. Он – старшиной одной из палат. Вместе нас выписали. Никогда я не слышал от него ничего плохого, и вдруг.. стали говорить о начпроде, ругать его. Кто-то сказал, что он еврей (хотя тот и был русским). – “Евреи все такие, все мерзавцы, – подметил вдруг Карымов, – они и в госпитале засели. Выписали меня, когда рана еще не залечилась. Где хорошо, там евреи – жида и жидовки. Их недаром немец стреляет. С нами тоже ‘Абгам’ (Абрам. – *В.Т.*)” – закончил свою тираду он, театрально махнув рукой в сторону меня. – “Он и на фронте еще не был, гад – сразу в госпиталь”, – подхватил другой. Это меня задело. Я накричал на него. – “С какой стати, дурак, ты называешь меня гадом? На каком основании?” – он, не ответив, поспешно ретировался. Я слышал, что защищать евреев или какую-либо другую нацию, будучи ее представителем, неправильно, и называется это как-то вроде национализма. Поэтому я сказал: – “А вы знаете, какой вы нации?!” – “Какой?” – раздалось вокруг. Я ответил: “Советской! Мне не важно, какая другая нация есть у каждого, мне важно, что это за человек. Это главное. И если Карымов сегодня по дороге ругал сам свой народ, к которому он сам принадлежит, называя его трусливым и вороватым, я считаю это ничем иным как предательством, изменой своему народу. Никогда не бывает плохих наций, есть люди, представители наций, порочащие свою, пусть даже за счет унижения других”. Меня поддержали узбеки, казахи и некоторые русские. Остальные, подняв вой, в буквальном смысле слова»¹²⁵.

Приведенный отрывок интересен сразу в нескольких моментах. Во-первых, фигурой антигероев – неизвестного украинца, который, сам будучи украинцем, называет всех украинцев предателями. В этом же ключе описывается и некий знакомый Гельфанда – Сенька, еврей, издевающийся над евреями. Перед нами классический случай негативной этнической идентичности, когда представитель этноса

¹²⁵ Гельфанд В. Дневник, 1943 год.

отрицательно относится к своему же народу. Причины проявления этого феномена бывают разные, в том числе и индивидуальные особенности психологии. Возможно, в случае с украинцем причина лежит в его глубоком разочаровании тем, что часть украинцев оказались под оккупацией и сотрудничали с нацистами. Правда, почему-то он забывал о других народах (в том числе и русских), чьи представители тоже оказались замешаны в коллаборационизме. Гельфанд объясняет этот феномен желанием подстроиться под среду, где такой типаж ценится именно тем, что представитель критикуемого этноса подтверждает негативные стереотипы.

Во-вторых, особый интерес представляет Карымов, который является носителем расхожих стереотипов о евреях. Так, он повторяет мнение, что евреи стремятся увильнуть от службы на фронте и даже специально вредят. В общественном мнении это выразилось в популярном саркастическом утверждении о «бойцах ташкентского фронта», т.е., якобы, что евреи почти поголовно оказались в эвакуации в Средней Азии, где и переждали тяжелое военное время. В то же время сам Карымов, судя по указаниям Гельфанда, тоже еврей, видимо представитель бухарских евреев.

В-третьих, особого внимания заслуживают рассуждения самого Гельфанда. В первую очередь он чувствует себя некомфортно в ситуации, когда ему, еврею, приходится защищать евреев. Ему кажется, что это национализм. Поэтому он выдвигает следующий аргумент: он утверждает, что все они представители *советской* нации. Это заявление интересно по нескольким причинам. В первую очередь здесь фиксируется сам факт существования советской идентичности, причем советскость здесь выступает именно как национальность. В то же время Гельфанд рассматривает ее как надстройку над «базовой» национальностью, предателем которой и стал, по его мнению, Карымов. Здесь мы сталкиваемся с интересной формой идентичности, которую метафорично можно назвать «пирамидальной». То есть признание существования и принадлежности к советской нации не отменяет базовой национальной идентичности. Важно и другое. Советская идентичность выступает здесь как защита от националистических нападков. Получалось, что решить межнациональную вражду технически просто: признание себя представителем советской нации автоматически делает «базовые» идентичности менее важными и выбивает почву для вражды между национальностями. Показательно, что заявление Гельфанда поддержали казахи и узбеки – сами потенциальные жертвы этнических стереотипов. Не без сожаления указывается и на «некоторые русские». Очевидно, что автору хотелось бы получить единодушную поддержку.

Отчасти такие негативные слухи о евреях можно связать и с негласным вето на публикацию информации о награждении евреев за боевые заслуги. Это решение в первую очередь было связано с желанием не лить воду на мельницу нацистской пропаганды, утверждавшей, что в РККА всем заправляют комиссары-евреи. Тем не менее представители Еврейского антифашистского комитета оценили эту тенденцию как несправедливую и скорее помогающую немецкой пропаганде¹²⁶.

В отношении солдат неславянского происхождения в армии также можно было нередко обнаружить негативное или пренебрежительное отношение. Это во многом было связано с недоучетом национальных культур. Многие военные оценивали боевые качества «националов» очень невысоко. Офицер разведотдела штаба 383-й стрелковой дивизии Черноморской группы войск в январе 1943 г. следующим образом описывал новобранцев из Азербайджана: «Дивизия наша получила пополнение из Азербайджана... А вояки они только у себя в ауле на печке... Гибнет их много, и зря гибнет. Сами, можно сказать, по собственному желанию. Вот типичный случай: здоровенный “елдаш” (тюрк. “товарищ”) лежит под деревом, замерзает. Метрах в двадцати от него теплая хата, в которой можно согреться. Подходишь к нему: “Эй, друг, чего лежишь?” Он в ответ: “Аржибержан”. Ему кричишь: “Вставай, замерзнешь!” — “Аржибержан”. Попробуешь его поднять и подтащить, не дается, цепляется за обледеневшую землю: “Аржибержан”»¹²⁷. Еще пример, который можно обнаружить в воспоминаниях Б.Г. Тартаковского: «Их (азербайджанцев. — В.Т.) считали в солдатской среде не только плохими вояками, не приспособленными к здешним климатическим условиям, но и людьми, сознательно старавшимися любыми путями увильнуть, хоть на время, от тяжелой доли пехотинца на передовой. Мне самому приходилось не раз видеть, как целая группа совершенно здоровых бойцов, человек 5–6, сопровождала в тыл... своего раненного... соплеменника, громко голося при этом, как бабы на деревенских похоронах. Такие сцены не могли не вызывать раздражения у солдат, мокнувших и мерзших в своих окопах»¹²⁸.

Невысокая боеспособность кавказских солдат отмечалась и командованием вермахта. Так, при оценке войск Крымского фронта К. Ман-

¹²⁶ Записка Еврейского антифашистского комитета секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову о необходимости публикации полных официальных данных о награжденных бойцах и командирах Красной армии различных национальностей, в том числе и евреев. 2 апреля 1943 г. // Государственный антисемитизм в СССР от начала до кульминации. 1938–1953 / сост. Г.В. Костырченко. М., 2005. С. 35–36.

¹²⁷ Цит. по: Безугольный А.Ю. «Источник дополнительной мощи Красной армии...»... С. 237–238.

¹²⁸ Там же. С. 224.

штейн указывал: «Боевая ценность основной массы вражеских дивизий не слишком высока, а у части из них снижена в результате поражения у Феодосии. Они состоят в значительной степени из не особенно желающих воевать кавказцев и солдат с маленьким сроком подготовки»¹²⁹.

Некоторые командиры не гнушались бросать неславянский контингент «на убой», чтобы сберечь славянский. Командир одной из кавалерийских частей Южного фронта в апреле 1942 г. открыто заявил: «Пусть их давят танками и расстреливает противник, тогда скорее уедем в тыл на формирование. Казаков и русских нам нужно сохранять, они нам пригодятся»¹³⁰.

Недоверие можно было наблюдать даже по отношению к украинцам, причем со стороны высшего командования. Так, Л.З. Мехлис в начале 1942 г. сумел добиться от Ставки пополнений для Крымского фронта, причем однозначно указывалось, что пополнения должны были быть славянскими. А.М. Василевский пообещал: «Даны указания... о немедленном направлении пятнадцати тысяч пополнения из русских или украинцев». Но Мехлис прямо потребовал: «Пополнение прошу, чтобы было русское, а не или»¹³¹. Впрочем, это не спасло Крымский фронт от тяжелого разгрома, в чем не в последнюю очередь был повинен лично Мехлис.

Нередко командование с подозрением относилось к «националам», опасаясь, что они подвержены националистическим настроениям¹³². Считалось, что бороться с этим можно было только упорной пропагандой советских ценностей. Поэтому особенно приветствовалось вступление представителей «нерусских народов» в комсомол и партию. Об этом писалось и в докладной записке руководителя группы агитаторов ГлавПУРККА, подготовленной по результатам проверки ситуации на Закавказском фронте в декабре 1942 г.: «Совершенно недопустимым является тот факт, что даже среди руководящего командно-политического состава довольно свободно и безнаказанно гуляет “теория”, что якобы кадры нерусской национальности не умеют и не хотят воевать»¹³³.

¹²⁹ Цит. по: *Исаев А., Глухарев Н., Романько О., Хазанов Д.* Битва за Крым. 1941–1944 гг. М., 2016. С. 243.

¹³⁰ *Безугольный А.Ю.* «Источник дополнительной мощи Красной армии...»... С. 224.

¹³¹ *Исаев А., Глухарев Н., Романько О., Хазанов Д.* Битва за Крым... С. 229.

¹³² *Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны) / отв. ред. Й. Хелльбек.* М., 2015. С. 95.

¹³³ Докладная записка руководителя группы агитаторов ГлавПУРККА Ставского заместителю начальника ГлавПУРККА И.В. Шикину о результатах по-

Часто такие настроения являлись следствием недоучета национальных традиций. Например, среди советских среднеазиатских народов существовал обычай коллективной молитвы над ранеными и убитыми. Причем совершалась она прямо во время боя. Естественно, что такое скопление становилось удобной мишенью для немецких стрелков. Из интервью Героя Советского Союза Юзека Ивановича Балабухи: «С узбеками было тяжело. Когда одного ранят, они все сбегаются в кучу до этого раненного, а немец в это время бьет»¹³⁴. Схожие наблюдения излагал в интервью Герой Советского Союза Аркадий Александрович Борейко: «11-я дивизия хорошая была... Немного портили нам, откровенно говоря “сыны солнца” – это казахи. Узбеки лучше, хуже всего аджарцы. Казахи хорошо все время себя вели. Потом, у них такой бытовой обычай. Вот наступает рота, там казахов была половина. Ранило казаха. Он кричит, обнимает кустик. Все казахи к нему собираются, садятся и что-то лопочут по-своему. Немец видит, пристреливает это место и, вот, смотришь, это место вот-вот накроют. Офицеры бегут с наганами, кое-кого стреляют даже, чтобы разогнать. Ничего подобного»¹³⁵.

Командиры не пытались разобраться в культурных особенностях своих подопечных. Война диктовала самые жестокие способы решения проблемы. Так, в интервью участника Сталинградской битвы можно встретить и такое: «Дали пополнение, а люди не пошли (в атаку. – В.Т.) – узбеки, которые крайне плохо воюют. Из этой группы, кто не пошел, расстреляли всех»¹³⁶.

Между тем стенограммы Комиссии по истории Великой Отечественной войны демонстрируют довольно противоречивое отношение командующих к «нерусским народам». Они нередко признавали, что «националы» – не самый лучший контингент, но в то же время своей задачей они считали адаптацию их к армии и превращение их в хороших бойцов. Командующий 62-й армией в Сталинграде генерал-лейтенант В.И. Чуйков говорил в интервью сотрудникам Комиссии: «Здесь были представители всех национальностей, а не какие-то особые, отборные части, специально созданные для Сталинграда. Конечно, русских было больше, потому что русского населения было больше. Лучше всего дрались у нас русские, потом украинцы и даже узбеки, которые раньше никогда не воевали. Правда, первый и второй день плачут, потом сама обстановка заставляет его смотреть на рус-

ездки на Закавказский фронт группы агитаторов ГлавПУРККА. 4 декабря 1942 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 706.

¹³⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел IV. Оп. 1. Д. 464.

¹³⁵ Там же. Раздел I. Оп. 229. Д. 2. Л. 7.

¹³⁶ Сталинградская битва... С. 97.

ского, на украинца, и с ними вместе там бьется и умирает. Высокое политическое сознание было исключительное у бойцов»¹³⁷.

Хороший пример кропотливой работы с «нерусским» контингентом можно найти в интервью Героя Советского Союза Николая Сидоровича Бевза (1924–1995):

«У меня был многонациональный состав подразделения, были казахи, узбеки, украинцы, русские, татары, преимущественно были казахи и русские. Казахи плохо понимали русский язык, и у меня была цель сплотить казахов в одно целое, чтобы можно было в бою ими как-то руководить. У меня был ординарец казах Женаулов, член партии, бывший председатель колхоза. Он хорошо знал русский язык. Я взял его как переводчика и проводил вместе с ним политмассовую работу среди казахов и узбеков. Работать с ними на первых порах было трудно. Выпускаем боевой листок, так я обязательно сам участвую в его выпуске. Без меня боевой листок не выпускался, я его направлял так, как мне было нужно.

В боевом листке я всегда ставил в пример какого-нибудь казаха, того, что хорошо изучил русский язык. Беру боевой листок и прихожу к ним. Они садятся вокруг меня по своему обычаю, подогнув под себя ноги. Я их обычай никогда не нарушал, и даже изучал их обычаи, помногу беседовал с Женауловым. Он мне рассказывал про их обычаи, о том, как казахи смотрят на войну. Женаулов пожилой, ему лет сорок. Он говорил, что у них обычай собираться всем в кружок, пить чай. Говорил, что казахи живут дружно и в беде всегда друг другу помогают.

–Если у нас один плохо живет, приходишь к нему и помогаешь ему, чем можешь. Если одного казаха обидят, все, как один, будут против тебя.

И вот я сидел вместе с казахами в кружок, пил вместе с ними чай, никогда им не отказывал, потому что они могли обидеться, читал им боевой листок, а Женаулов переводил, после этого они между собой обсуждали его. Старался все время поднимать авторитет Женаулова, говорил, что вот он член партии, и был такой момент, когда все казахи вскочили и начали плясать вокруг него, изъявляя свою преданность ему. Без него никогда не проводил бесед, и казахи для него делали все, что я ни говорил. Его

¹³⁷ Сталинградская битва... С. 409.

приказания были законом. Я его воспитывал, а он работал с казахами... Если русский будет с ними работать, они ничего не поймут, а Женаулов им все хорошо объяснит, и они поймут, что к чему. После того, как я с ними проводил беседы по боевым листкам, они и меня очень полюбили и пошли бы за меня в огонь и воду. Женаулов им много обо мне рассказывал. Я сяду в сторонке и слушаю, а потом Женаулов откровенно мне рассказывал, какого они мнения обо мне, и хорошее и плохое. Таким образом, я поднял авторитет и Женаулова, и свой среди казахов и прививал к себе любовь, и часто бывало, что мои казахи пойдут в другое подразделение и рассказывают, как я с ними работал, что отношусь к ним сочувственно, что они меня любят, и даже старались переманивать к себе. Если они письмо напишут, адрес бегут ко мне подписывать. Я посылал привет их родным, и они были очень рады, таким образом, я воспитал хороших бойцов и хороших командиров. Казахам и другие национальности я любил, и они были для меня, как и русские. Казахам – трудолюбивый народ. Если начнут снаряды грузить, так уж русский не поспеет за ними. Нужно только уметь к ним подойти, узнать их обычаи, быть к ним справедливым, входить в их интересы, знать их нужды. Голову повесит и все, если не узнать, в чем дело, можно и придраться к нему, можно человека забить, а если выяснить, в чем дело, да помочь ему, он тебе будет благодарен на всю жизнь.

Был такой случай с казахом Мамбиталиевым. У него на родине жила плохо семья. Подошли бараны, не было хлеба. Семья большая, 7 человек. Ему написали из дома письмо. Смотрю, он насупился и ходит, повесив голову, вялый такой. А всегда был энергичным. Думаю, или больной, или еще что. Вызвал Женаулова, расспросил его о Мамбиталиеве. Он мне все рассказал. Вызываю самого Мамбиталиева и начинаю с ним беседовать через Женаулова. Решил написать письмо председателю колхоза, чтобы он помог его семье. Женаулову я диктую порусски, а он по-своему пишет. Дошло ли это письмо, как на него реагировали, я не знаю, но человек почувствовал, что какая-то защита имеется, и он надеялся, что, может быть, ему помогут, что подняло ему настроение.

После этого факта я понял, как надо работать с казахами, сделал для себя вывод, что к этим людям надо отно-

ситься чутко, знать их повседневную жизнь, их семейную жизнь. Они попали в среду русских, обстановка для них незнакомая, язык незнакомый, и если с них требовать так, как с русских, они будут сильно переживать. А если их еще оскорбить, они сильно обидятся, потому что они находятся не в своей местности»¹³⁸.

Вероятно, можно говорить, что в значительной степени случай Бевза – редкость. Кропотливая работа с контингентом «националов» проводилась не так широко, как хотелось бы. Гораздо больше интервью, в которых указывается на невысокий боевой потенциал «нерусских народов», что косвенно свидетельствует о неумении и нежелании с ними работать. Хотя именно политрук, как показывает пример Бевза, оказывался обязательным звеном в успешной адаптации представителей «нерусских народов» в действующей армии. Описанный случай позволяет выявить алгоритм успешной работы. Он заключался в поиске знающего русский язык и желательно авторитетного среди своих «национала». Через него на первых порах происходило общение. Политруководитель должен был в этой ситуации, для завоевания авторитета, изучить культурные особенности подопечных. Например, в случае со среднеазиатскими народами непременным условием их адаптации оказывалась чайхана, где они могли бы обсудить проблемы, отдохнуть и т.д. Здесь же проходили политзанятия. Можно предположить, что в данном случае политрук выполнял схожую с муфтием роль. Активно пропагандировались успехи отдельных солдат. По мере адаптации «националов» и роста авторитета их руководителя заметно повышались боевые качества военного формирования.

В схожем стиле работали в 110-й дивизии, участвовавшей в боях под Москвой. Рассказывает начальник политотдела, старший батальонный комиссар Александр Дмитриевич Королев:

«Пополнение прибывало у нас в ходе боев и когда стояли на оборонительных рубежах. С пополнением применялись различные формы работы. Очень характерна работа с нацменами. Якуты к нам прибыли, с ними начал работу политрук Лицуков. Он путем индивидуальных бесед с бойцами выявил, что один нацмен владеет русским языком, и организовал боевой листок на якутском языке, заставил этого нацмена писать. Через боевой листок стал популяризировать тех, кто имел успехи в бою. Это повлияло положительно на бойцов, и товарищи ежедневно спрашивали у политрука: “А когда будет опять выпущен

¹³⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел IV. Н.С. Бевз. Л. 3 об.—4.

наш боевой листок и когда меня поместят в наш боевой листок?» Эту инициативу подхватила инструктор пропаганды Можарская. Стали рисовать портреты отличников нацменов, популяризировать их через газету, и многие из них хорошо дрались. Этот опыт в 1-м полку по работе с нацменами дал большие результаты. Стали применять выпуск боевых листков на татарском языке, других национальностей. Это положительно сказалось на воспитании бойцов»¹³⁹.

Как это ни парадоксально звучит, но несколько лучше пропаганда, по сравнению с другими «националами», строилась в латышских формированиях, в частности в знаменитой 201-й «латышской дивизии». Дело в том, что после присоединения Латвии к СССР была организована специальная школа для политической подготовки кадров. После начала войны многие слушатели школы оказались в рядах Красной армии, поэтому политическая работа в дивизии была поставлена хорошо. Особенностью пропаганды среди латышей являлся акцент на исторической вине немцев перед народами Прибалтики. Германское вторжение преподносилось как повторение засилья немецких помещиков. Кроме того, культивировались традиции знаменитых «латышских стрелков».

В пропагандистской и агитационной работе приветствовался индивидуальный подход. Так, полковой комиссар Петр Давидович Зутис рассказывал в своем интервью, как он проводил инструктаж среди политработников: «Но из всех этих вопросов наибольший упор я делал на вопросе изучения людей, но видно было, что это был наиболее новый вопрос. Поэтому у нас очень много разговоров возникло вокруг этого вопроса»¹⁴⁰.

В ходе войны дивизия пополнялась уже не только латышами, но и представителями других национальностей. В этой ситуации в центре внимания пропагандистов оказывалась не латышская национальная специфика, а традиции военного формирования, формирование гордости принадлежностью к нему, т.е. военной корпоративной идентичности. Батальонный комиссар Альберт Христианович Приверт так описывал этот процесс: «Я скажу только одно, что все люди, которые были в нашем полку, будь они русские, будь евреи, белорусы, украинцы, латыши – к ним как бы перешли наши славные традиции латышского полка. Правда, мы над этим делом много поработали. Даже когда получили первое пополнение 13–16 января, а мы получили ни

¹³⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 27. Д. 1. Л. 83.

¹⁴⁰ Там же. Оп. 16. Д. 1. Л. 39 об.

много, ни мало 1,5 тыс. человек, большинство русских, – мы им всем рассказали, как мы воевали в годы Гражданской войны, как мы дружно жили – все национальности. И надо сказать, что и здесь сейчас у нас нет никакой национальной розни, и все дрались прекрасно»¹⁴¹.

Несмотря на серьезные трудности, РККА времен Великой Отечественной войны представляла собой по-настоящему интернациональную армию. И это не только пропагандистский штамп. В уже цитировавшихся дневниках Гельфанда есть следующая запись (27 ноября 1943 г.): «А у нас в роте было, к слову сказать, очень много национальностей: и русские, и украинцы, и грузины, и армяне, и азербайджанцы, и евреи, и казахи, и туркмены, и греки, и даже нашелся один турок. Да-да! Вы не смейтесь – представители всех национальностей Советского Союза сражаются насмерть на фронтах Великой войны с фашизмом»¹⁴².

Такое тесное соседство создавало эффект плавильного котла. Одним из ярких его проявлений были процессы аккультурации, когда одни народы перенимали культурные навыки других. Очевидно, что в основном аккультурация была направлена на «нерусские» народы, вынужденные подлаживаться в РККА к преимущественно славянской среде, более приспособленной к службе в армии европейского типа. Пока приходится признать, что данная проблема плохо изучена. Тем не менее имеется ряд исследований. Так, Т.Г. Мухтаров продемонстрировал, что служба в Красной армии во время войны стала мощным фактором адаптации, аккультурации и даже ассимиляции башкир. По его мнению, «осознание того, что они участвуют в доселе невиданной войне двух величайших империй, двух цивилизаций, двух систем, побуждало в башкирских солдатах желание теснее ассоциироваться с той культурой, на стороне которой они воюют». Многие башкирские солдаты получали второе – русифицированное имя, причем продолжали им пользоваться и в мирное время¹⁴³.

Но имеются и примеры обратной аккультурации, когда русские перенимали полезные в экстремальных условиях навыки других народов. Так, казахские солдаты во время сталинградских боев научили жарить пшеницу перед употреблением в ситуации, когда ее нельзя сварить¹⁴⁴.

¹⁴¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 16. Д. 1. Л. 49.

¹⁴² Гельфанд В. Дневник, 1943 год.

¹⁴³ Мухтаров Т.Г. Влияние Второй мировой войны на процесс ассимиляции башкирского народа // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 475–476.

¹⁴⁴ Дневник Ивана Ложкина (URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221942-01-01%22&diaries=%5B161%5D>).

Итак, можно говорить, что РККА в годы войны, несмотря на все противоречивые процессы, стала огромным «плавильным котлом». Массовая мобилизация привела в движение миллионы солдат из разных республик и областей страны, что позволило им вырваться из своего локального мира. Часто встреча с военной реальностью была ужасающей. Служба в армии требовала формирования новых навыков. Солдатам необходимо было понимать язык командиров – русский язык. В свою очередь командиры также были вынуждены понимать особенности и нужды своих подчиненных. Ситуация, когда в армии был смешанный национальный состав, приводила к восприятию этой армии как своей для представителей всех народов СССР. Наконец, общий боевой опыт поражений и побед служил важным фактором формирования эмоциональной солидарности.

Встреча представителей разных народов и культур состоялась не только в армии, но и в тылу. Массовая эвакуация¹⁴⁵ в национальные республики также способствовала интенсификации контактов между народами. Важным солидаризирующим явлением стало движение по усыновлению эвакуированных детей-сирот. Оно зародилось в Узбекистане, который принял 200 тыс. детей. Кузнец из Ташкента Ш. Шамамудов и его семья взяли себе на воспитание 16 сирот, садовод из г. Ош И. Ахмедов усыновил 13 детей¹⁴⁶. А Токтогон Алтыбасарова (Киргизская ССР) приютила 150 детей-блокадников.

Но не менее важными стали и общие символы войны и Победы. Миллионы солдат разных национальностей прошли через армейские ритуалы, были награждены, а звания Героя Советского Союза удостоились бойцы самых разных народов СССР¹⁴⁷.

Пропаганда создавала героические образы войны (это были не только отдельные герои, но и знаковые битвы и героические подразделения), приобщение к которым становилось важным элементом

¹⁴⁵ Общая цифра эвакуированных в 1941–1942 гг. сейчас оценивается примерно в 17 млн человек. См.: *Вербицкая О.М.* Демографические процессы в годы войны // *Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* М., 2010. С. 491.

¹⁴⁶ *Куманев Г.А.* Война и эвакуация 1941–1942 гг. // *Народ и война...* С. 85; *Рябова Т.С.* Патронирование, опека, усыновление в годы Великой Отечественной войны: нормативно-правовая база и региональные практики (на материалах Южного Урала) // *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2011. № 2(32). С. 187–196.

¹⁴⁷ Звания Героя Советского Союза были удостоены сотни представителей «нерусских народов»: Герои Советского Союза. Историко-статистический очерк. М., 1984. С. 245; *Бугай Н.Ф., Зубкова Е.Ю.* Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1960-е гг.) // *Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства / отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков.* М., 2012. С. 269.

самоидентификации человека и формировало ощущение боевого братства. Военный опыт, несмотря на его реальные противоречия, став ключевым в жизни сразу нескольких поколений, превратился в символ солидарности и стал одним из важнейших элементов в советской идентичности.

Бугай Н.Ф.

д.и.н., Институт российской истории РАН

Дискуссионные вопросы проблемы принудительных переселений 1941–1945 гг.: мифы и исторический смысл

Несомненно, война 1941–1945 гг. заметно сказывалась на жизни всех без исключения этнических общностей страны. Она внесла в национальную политику, проводимую государством в рассматриваемый период через систему формировавшихся в экстремальных условиях отношений между народами, существенные коррективы. Их целью было достижение общей победы над фашизмом.

Если попытаться ответить на вопрос – в чем же суть национальной политики в годы войны, то, по нашему мнению, это не только русоцентризм, но и мобилизация народов, организация обороны государства, сохранение его целостности, создание условий для обеспечения безопасности страны. А также – консолидация этнических общностей в экстремальных условиях военного времени на реализацию приоритетных направлений, сплочение, формирование патриотизма, самопожертвования, готовности выступить на защиту Родины.

Что касается заявленной темы, то за прошедшее время с конца 1980-х гг. издано множество работ – по приблизительным данным, более 5 тыс., в которых эта проблема была в центре внимания. За последние два десятилетия по данной теме изданы многие научные труды известных ученых России (В.Б. Убушаев, П.М. Полян, В.Н. Земсков, Х.М.-А. Сабанчиев, С.И. Аккиева, М.М. Шахбанова, К.Н. Максимов, М.И. Мамаев, Д. Рамазанова, Ж.Г. Сон и др.). Ее разработкой были также заняты ученые Казахстана (С.Ш. Казиев, Ж.Г. Сактаганова, Ж.А. Ермекбаев), Узбекистана (В. Хан, Д. Рахманкулова, Г. Ким, Р. Шамсутдинов) и др. Несомненно, обобщить это все в одном выступлении не представляется возможным. Поэтому есть